

КЛАССИКА С РАЗБОРОМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

И.С. ТУРГЕНЕВ

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА — МУМУ

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ С ПОЯСНЯЮЩИМИ КОММЕНТАРИЯМИ

УДК 821.161.1-3(07)
ББК 84(2Рос=Рус)1-44я721
Т87

Составитель

Б. А. Ланин — доктор филологических наук, профессор, автор УМК
по литературе для 5–11 классов и учебников для университетов
по русской литературе и методике преподавания

Тургенев, Иван Сергеевич.

Т87 Записки охотника; Муму / И. С. Тургенев ; составление
и комментарии Б. А. Ланина. — Москва : Эксмо, 2026. —
432 с. — (Классика с разбором произведений).

ISBN 978-5-04-232081-1

Книга предназначена специально для школьников, которые хо-
тят быстро подготовиться к уроку, сочинению или экзамену по лите-
ратуре.

Помимо полных текстов рассказов И. С. Тургенева «Записки
охотника» и «Муму», в издании представлены ценные дополнитель-
ные материалы:

- подробный план произведения на полях, с помощью которого
можно быстро найти нужный фрагмент, описание героев, легко про-
следить фабулу повести;
- развернутые комментарии с объяснениями непонятных фак-
тов, устаревших слов;
- история создания произведения;
- указатель имен и событий в конце книги для быстрого поиска
страниц, на которых появляются герои, происходит то или иное со-
бытие, важное для понимания авторского замысла.

В пособии реализованы принципы изучения произведения
в школе. Учебно-справочные материалы делают книгу максимально
удобной для анализа текста в классе и дома, подготовки к написанию
сочинений, ОГЭ и ЕГЭ. Пособие также будет полезно учителям при
планировании и проведении уроков литературы.

УДК 821.161.1-3(07)
ББК 84(2Рос=Рус)1-44я721

ISBN 978-5-04-232081-1 © Ланин Б. А., составление, комментарии, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ КНИГОЙ	4
-----------------------------------	---

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РАССКАЗОВ

И. С. ТУРГЕНЕВА «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА»	6
--	---

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА

Хорь и Калиныч	8
Ермолай и мельничиха	20
Малиновая вода	32
Уездный лекарь	42
Мой сосед Радилов	51
Однودворец Овсяников	59
Льгов	79
Бежин луг	90
Касьян с Красивой Мечи	112
Бурмистр	131
Контора	147
Бирюк	165
Два помещика	173
Лебедянь	183
Татьяна Борисовна и ее племянник	197
Смерть	210
Певцы	222
Петр Петрович Каратаев	241
Свидание	256
Гамлет Шигровского уезда	266
Чертопханов и Недопюскин	293
Конец Чертопханова	313
Живые Моши	348
Стучит!	362
Лес и степь	376

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, СОБЫТИЙ, СВЕДЕНИЙ

(В СООТВЕТСТВИИ С ПЛАНОМ)	383
-------------------------------------	-----

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РАССКАЗА

И. С. ТУРГЕНЕВА «МУМУ»	390
----------------------------------	-----

МУМУ	392
----------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, СОБЫТИЙ, СВЕДЕНИЙ

(В СООТВЕТСТВИИ С ПЛАНОМ)	425
-------------------------------------	-----

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ КНИГОЙ

Эта книга поможет любому ученику стать отличником — если он того захочет. Вы не замечали, на что уходит время на уроке литературы? Нет, не на размышления, не на споры о героях — хотя, конечно, именно это главное на уроке литературы и требует много времени. Все же больше всего времени на уроке уходит на поиски нужной сцены, фрагмента, страницы. «Найдите в тексте...» — так чаще всего начинается задание, которое дает учитель. И тут начинается быстрое перелистывание страниц в поисках нужного фрагмента. Кто-то нашел первым — он и опередит своих одноклассников.

С этой книгой в руках легко стать первым. Ведь в ней:

- удобная навигация;
- продуманный справочный аппарат;
- подробный указатель;
- история создания произведения.

План книги на полях

Следите за информацией на полях — там представлен **подробный план книги**, которую вы изучаете. Вы можете проследить фабулу произведения по плану на полях, вспомнить, какие основные события в нем происходят.

Навигатор поиска

В конце книги есть **указатель имен, событий, сведений (в соответствии с планом)** — и это удобно для поиска. Если вам нужно найти, в каких сценах появляется

герой или происходит то или иное событие, нужно открыть этот раздел и посмотреть, на каких страницах есть такие сведения.

Справочный аппарат

На каждой странице объясняются непонятные, устаревшие слова, даются дополнительные сведения о предметах, фактах, событиях, приводятся биографические справки и даты исторических событий, поясняются географические названия. Такие полезные сведения помогают учащимся понять содержание произведения.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РАССКАЗОВ И. С. ТУРГЕНЕВА «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА»

В 1845 г. в Петербурге под редакцией Н. А. Некрасова вышел литературный сборник под непривычным названием «Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов». Открывался он очерком В. Г. Белинского «Петербург и Москва». Через год появился Н. А. Некрасов, издал новый сборник, названный «Петербургским сборником». В нем появился написанный в стихотворной форме «Помещик».

«Наконец г. Тургенев написал стихотворный рассказ «Помещик», — не поэму, а физиологический очерк помещичьего быта, шутку, если хотите, но эта шутка как-то вышла далеко лучше всех поэм автора. Бойкий эпиграмматический стих, веселая ирония, верность картин, вместе с тем выдержанность целого произведения, от начала до конца, — все показывало, что г. Тургенев попал на истинный род своего таланта, взялся за свое, и что нет никаких причин оставлять ему вовсе стихи».

Однако затем последовал переход к прозе — к рассказам из крестьянского быта. Первый рассказ из «Записок охотника» «Хорь и Калиныч» был напечатан в журнале «Современник» в 1847 году.

«Вы и сами не знаете, что такое «Хорь и Калиныч», — писал Белинский Тургеневу в 1847 году. — Судя по «Хорю», вы далеко пойдете. Это ваш настоящий род... Найти свою дорогу, узнать свое место — в этом все для человека, это для него значит сделаться самим собою».

Затем в течение пяти лет в том же «Современнике» были опубликованы еще 20 произведений. В 1852 году «Записки охотника» вышли отдельной книгой. К опу-

бликованному прежде 21 рассказу был добавлен еще один рассказ — «Два помещика».

«Сколько вы ни пишете еще повестей и драм, — написано в письме И. А. Гончарова Тургеневу от 28 марта 1859 года, — вы не опередите вашей Илиады, ваших «Записок охотника»: там нет ошибок, там вы просты, высоки, классичны, там лежат перлы вашей музыки».

Рассказы были написаны в различных городах, даже в разных странах. Так, рассказ «Бурмистр», яростный протест против крепостнической жестокости, был написан в Зальцбрунне, в Силезии, когда Тургенев в июле 1847 года тесно общался с Белинским.

Итак, первая книга была написана и опубликована еще в николаевскую эпоху, в конце ее. А. И. Герцен так описывал это правление:

«Нравственный уровень общества пал, развитие было прервано, все передовое, энергичное вычеркнуто из жизни. Остальные — испуганные, слабые, потерянные — были мелки, пусты; дрянь александровского поколения заняла первое место: они мало-помалу превратились в подбострастных дельцов, утратили дику поэзию кутежей и барства и всякую тень самобытного достоинства; они упорно служили, они выслуживались...» Двадцать лет спустя Тургенев опубликовал еще три рассказа в добавление к тому же циклу: «Конец Чертопханова», «Стучит» и «Живые мощи». В «Записки охотника», таким образом, входят 25 произведений. В таком составе книга впервые появилась в 1880 году и с тех пор именно так и печатается.

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ. НАВИГАТОР И КОММЕНТАРИИ

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА

ХОРЬ И КАЛИНЫЧ

СРАВНЕНИЕ
ОРЛОВСКОЙ
И КАЛУЖСКОЙ
ГУБЕРНИЙ

Кому случалось из Болховского уезда перебираться в Жиздринский, того, вероятно, поражала резкая разница между породой людей в Орловской губернии и калужской породой. Орловский мужик невелик ростом, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живет в дрянных осиновых избенках, ходит на барщину, торговлей не занимается, ест плохо, носит лапти; калужский оброчный мужик обитает в просторных сосновых избах, высок ростом, глядит смело и весело, лицом чист и бел, торгует маслом и дегтем и по праздникам ходит в сапогах. Орловская деревня (мы говорим о восточной части Орловской губернии) обыкновенно расположена среди распаханых полей, близ оврага, кое-как превращенного в грязный пруд. Кроме немногих раkit, всегда готовых к услугам, да двух-трех тощих берез, деревца на версту кругом не увидишь; изба лепится к избе, крыши закиданы гнилой соломой... Калужская деревня, напротив, большею частью окружена лесом; избы стоят вольней и прямей, крыты тесом; ворота плотно запираются, плетень на задворке¹ не разметан и не вывалился наружу, не зовет в гости всякую прохожую свинью...

И для охотника в Калужской губернии лучше. В Орловской губернии последние леса и площадь² исчезнут лет через пять, а болот и в помине нет; в Калужской, напротив, засеки тянутся на сотни, бо-

¹ Задворка — задняя часть двора.

² «Площадями» называются в Орловской губернии большие сплошные массы кустов, орловское наречие отличается вообще множеством своеобразных, иногда весьма метких, иногда довольно безобразных, слов и оборотов. (Прим. И.С. Тургенева).

лота на десятки верст, и не перевелась еще благо-родная птица тетерев, водится добродушный дупель, и хлопотунья куропатка своим порывистым взлетом веселит и пугает стрелка и собаку.

В качестве охотника посещая Жиздринский уезд, сошелся я в поле и познакомился с одним калужским мелким помещиком, Полутыкиным, страстным охотником и, следовательно, отличным человеком. Водились за ним, правда, некоторые слабости: он, например, сватался за всех богатых невест в губернии и, получив отказ от руки и от дому, с сокрушенным сердцем доверял свое горе всем друзьям и знакомым, а родителям невест продолжал посылать в подарок кислые персики и другие сырые произведения своего сада; любил повторять один и тот же анекдот, который, несмотря на уважение г-на Полутыкина к его достоинствам, решительно никогда никого не смешил; хвалил сочинения Акима Нахимова¹ и повесть Пинну; заикался; называл свою собаку Астрономом; вместо однако говорил одначе и завел у себя в доме французскую кухню, тайна которой, по понятиям его повара, состояла в полном изменении естественного вкуса каждого кушанья: мясо у этого искусника отзывалось рыбой, рыба — грибами, макароны — порохом; зато ни одна морковка не попадала в суп, не приняв вида ромба или трапеции. Но, за исключением этих немногих и незначительных недостатков, г-н Полутыкин был, как уже сказано, отличный человек.

В первый же день моего знакомства с г. Полутыкиным он пригласил меня на ночь к себе.

— До меня верст пять будет, — прибавил он, — пешком идти далеко; зайдемте сперва к Хорю. (Читатель позволит мне не передавать его заиканья.)

— А кто такой Хорь?

— А мой мужик... Он отсюда близехонько.

Мы отправились к нему. Посреди леса, на расчищенной и разработанной поляне, возвышалась одинокая усадьба Хоря. Она состояла из нескольких со-сновых срубов, соединенных заборами; перед главной

ЗНАКОМСТВО
С ПОМЕ-
ЩИКОМ
ПОЛУТЫКИ-
НЫМ

В ДОМЕ ХОРЯ

¹ Нахимов Аким Николаевич — поэт-сатирик (1782—1814).

избой тянулся навес, подпертый тоненькими столбиками. Мы вошли. Нас встретил молодой парень, лет двадцати, высокий и красивый.

— А, Федя! Дома Хорь? — спросил его г-н Полутыкин.

— Нет, Хорь в город уехал, — отвечал парень, улыбаясь и показывая ряд белых, как снег, зубов. — Тележку заложить прикажете?

— Да, брат, тележку. Да принеси нам квасу.

Мы вошли в избу. Ни одна суздальская картина не залепляла чистых бревенчатых стен; в углу, перед тяжелым образом в серебряном окладе, теплилась лампадка; липовый стол недавно был выскоблен и вымыт; между бревнами и по косякам окон не скиталось резвых прусаков, не скрывалось задумчивых тараканов. Молодой парень скоро появился с большой белой кружкой, наполненной хорошим квасом, с огромным ломтем пшеничного хлеба и с дюжиной соленых огурцов в деревянной миске. Он поставил все эти припасы на стол, прислонился к двери и начал с улыбкой на нас поглядывать. Не успели мы доесть нашей закуски, как уже телега застучала перед крыльцом. Мы вышли. Мальчик лет пятнадцати, кудрявый и краснощекий, сидел кучером и с трудом удерживал сытого пегого жеребца. Кругом телеги стояло чело-век шесть молодых великанов, очень похожих друг на друга и на Федю. «Все дети Хоря!» — заметил Полутыкин. «Все Хорьки, — подхватил Федя, который вышел вслед за нами на крыльцо, — да еще не все: Потап в лесу, а Сидор уехал со старым Хорем в город... Смотри же, Вася, — продолжал он, обращаясь к кучеру, — духом сомчи: барина везешь. Только на толчках-то, смотри, потише: и телегу-то попортишь, да и барское черев¹ обеспокоишь!» Остальные Хорьки усмехнулись от выходки Феди. «Подсадить Астронома!» — торжественно воскликнул г-н Полутыкин. Федя, не без удовольствия, поднял на воздух принужденно улыбающуюся собаку и положил ее на дно телеги. Вася дал вожжи лошади. Мы покатили. «А вот

¹ Черев^о — живот.

это моя контора, — сказал мне вдруг г-н Полутыкин, указывая на небольшой низенький домик, — хотите зайти?» — «Извольте». — «Она теперь упряднена, — заметил он, слезая, — а все посмотреть стоит». Контора состояла из двух пустых комнат. Сторож, кривой старик, прибежал с задворья. «Здравствуй, Миняич, — проговорил г-н Полутыкин, — а где же вода?» Кривой старик исчез и тотчас вернулся с бутылкой воды и двумя стаканами. «Отведайте, — сказал мне Полутыкин, — это у меня хорошая, ключевая вода». Мы выпили по стакану, причем старик нам кланялся в пояс. «Ну, теперь, кажется, мы можем ехать, — заметил мой новый приятель. — В этой конторе я продал купцу Аллилуеву четыре десятины¹ лесу за выгодную цену». Мы сели в телегу и через полчаса уже въезжали на двор господского дома.

— Скажите, пожалуйста, — спросил я Полутыкина за ужином, — отчего у вас Хорь живет отдельно от прочих ваших мужиков?

— А вот отчего: он у меня мужик умный. Лет двадцать пять тому назад изба у него сгорела; вот и пришел он к моему покойному батюшке и говорит: дескать, позвольте мне, Николай Кузьмич, поселиться у вас в лесу на болоте. Я вам стану оброк платить хороший. — «Да зачем тебе селиться на болоте?» — «Да уж так; только вы, батюшка, Николай Кузьмич, ни в какую работу употреблять меня уж не извольте, а оброк положите, какой сами знаете». — «Пятьдесят рублей в год!» — «Извольте». — «Да без недоимок² у меня, смотри!» — «Известно, без недоимок...» Вот он и поселился на болоте. С тех пор Хорем его и прозвали.

— Ну, и разбогател? — спросил я.

— Разбогател. Теперь он мне сто целковых оброка платит, да еще я, пожалуй, накину. Я уж ему не раз говорил: «Откупись, Хорь, эй, откупись!..» А он, бесстыдя, меня уверяет, что нечем; денег, дескать, нету... Да, как бы не так!..

ИСТОРИЯ
ЖИЗНИ ХОРЯ

¹ Десятина — 1,092 гектара.

² Недоимка — недоплата налога.

**ВНЕШНОСТЬ
КАЛИНЫЧА**

На другой день мы тотчас после чаю опять отправились на охоту. Проезжая через деревню, г-н Полутыкин велел кучеру остановиться у низенькой избы и звучно воскликнул: «Калиныч!» — «Сейчас, батюшка, сейчас, — раздался голос со двора, — лапоть подвизываю». Мы поехали шагом; за деревней догнал нас человек лет сорока, высокого роста, худой, с небольшой загнутой назад головкой. Это был Калиныч. Его добродушное смуглое лицо, кое-где отмеченное рябинами, мне понравилось с первого взгляда. Калиныч (как узнал я после) каждый день ходил с барином на охоту, носил его сумку, иногда и ружье, замечал, где садится птица, доставал воды, набирал земляники, устраивал шалаши, бегал за дрожками; без него г-н Полутыкин шагу ступить не мог. Калиныч был человек самого веселого, самого кроткого нрава, беспрестанно попевал вполголоса, беззаботно поглядывал во все стороны, говорил немного в нос, улыбаясь, прищуривал свои светло-голубые глаза и часто брался рукою за свою жидкую, клиновидную бороду. Ходил он нескоро, но большими шагами, слегка подпираясь длинной и тонкой палкой. В течение дня он не раз заговаривал со мною, услуживал мне без раболепства, но за барином наблюдал, как за ребенком. Когда невыносимый полуденный зной заставил нас искать убежища, он свел нас на свою пасеку, в самую глушь леса. Калиныч отворил нам избушку, увешанную пучками сухих душистых трав, уложил нас на свежем сене, а сам надел на голову род мешка с сеткой, взял нож, горшок и головешку и отправился на пасеку вырезать нам сот. Мы запили прозрачный теплый мед ключевой водой и заснули под однообразное жужжанье пчел и болтливый лепет листьев.

Легкий порыв ветерка разбудил меня... Я открыл глаза и увидел Калиныча: он сидел на пороге полураскрытой двери и ножом вырезывал ложку. Я долго любовался его лицом, кротким и ясным, как вечернее небо. Г-н Полутыкин тоже проснулся. Мы не тотчас встали. Приятно после долгой ходьбы и глубокого сна лежать неподвижно на сене: тело нежится и томится, легким жаром пышет лицо, сладкая лень смыкает глаза. Наконец мы встали и опять пошли бродить до

вечера. За ужином я заговорил опять о Хоре да о Калиныче. «Калиныч — добрый мужик, — сказал мне г. Полутыкин, — усердный и услужливый мужик; хозяйство в исправности, иначе, содержать не может: я его все оттягиваю. Каждый день со мной на охоту ходит... Какое уж тут хозяйство, — посудите сами». Я с ним согласился, и мы легли спать.

На другой день г-н Полутыкин принужден был отправиться в город по делу с соседом Пичуковым. Сосед Пичуков запахал у него землю и на запаханной земле высек его же бабу. На охоту поехал я один и перед вечером завернул к Хорю. На пороге избы встретил меня старик — лысый, низкого роста, плечистый и плотный — сам Хорь. Я с любопытством посмотрел на этого Хоря. Склад его лица напоминал Сократа: такой же высокий, шишковатый лоб, такие же маленькие глазки, такой же курносый нос. Мы вошли вместе в избу. Тот же Федя принес мне молока с черным хлебом. Хорь присел на скамью и, преспокойно поглаживая свою курчавую бороду, вступил со мною в разговор. Он, казалось, чувствовал свое достоинство, говорил и двигался медленно, изредка посмеивался из-под длинных своих усов.

Мы с ним толковали о посеве, об урожае, о крестьянском быте... Он со мной все как будто соглашался; только потом мне становилось совестно, и я чувствовал, что говорю не то... Так оно как-то странно вышло. Хорь выражался иногда мудрено, должно быть, из осторожности... Вот вам образчик нашего разговора:

— Послушай-ка, Хорь, — говорил я ему, — отчего ты не откупишься от своего барина?

— А для чего мне откупаться? Теперь я своего барина знаю и оброк свой знаю... барин у нас хороший.

— Все же лучше на свободе, — заметил я.

Хорь посмотрел на меня сбоку.

— Вестимо, — проговорил он.

— Ну, так отчего же ты не откупаешься?

Хорь покрутил головой.

— Чем, батюшка, откупиться прикажешь?

— Ну, полно, старина...

РАССКАЗЧИК
БЕСЕДУЕТ
С ХОРЕМ

— Попал Хорь в вольные люди, — продолжал он вполголоса, как будто про себя, — кто без бороды живет, тот Хорю и набольший.

— А ты сам бороду сбрей.

— Что борода? борода — трава: скосить можно.

— Ну, так что ж?

— А, знать, Хорь прямо в купцы попадет; купцам-то жизнь хорошая, да и те в бородах.

— А что, ведь ты тоже торговлей занимаешься? — спросил я его.

— Торгуем помаленьку маслишком да дегтишком... Что же, тележку, батюшка, прикажешь заложить?

«Крепок ты на язык и человек себе на уме», — подумал я.

— Нет, — сказал я вслух, — тележки мне не надо; я завтра около твоей усадьбы похожу и, если позволишь, останусь ночевать у тебя в сенном сарае.

— Милости просим. Да покойно ли тебе будет в сарае? Я прикажу бабам постлать тебе простыню и положить подушку. Эй, бабы! — вскричал он, поднимаясь с места, — сюда, бабы!.. А ты, Федя, поди с ними. Бабы ведь народ глупый.

Четверть часа спустя Федя с фонарем проводил меня в сарай. Я бросился на душистое сено, собака свернулась у ног моих; Федя пожелал мне доброй ночи, дверь заскрипела и захлопнулась. Я довольно долго не мог заснуть. Корова подошла к двери, шумно дохнула раза два; собака с достоинством на нее зарычала; свинья прошла мимо, задумчиво хрюкая; лошадь где-то в близости стала жевать сено и фыркать... Я наконец задремал.

На заре Федя разбудил меня. Этот веселый, бойкий парень очень мне нравился; да и, сколько я мог заметить, у старого Хоря он тоже был любимцем. Они оба весьма любезно друг над другом подтрунивали. Старик вышел ко мне навстречу. Оттого ли, что я провел ночь под его кровом, по другой ли какой причине, только Хорь гораздо ласковее вчерашнего обошелся со мной.

— Самовар тебе готов, — сказал он мне с улыбкой, — пойдем чай пить.

РАССКАЗЧИК
ЗАНОЧЕВАЛ
У ХОРЯ

ЗАВТРАК
В ДОМЕ ХОРЯ

Мы уселись около стола. Здоровая баба, одна из его невесток, принесла горшок с молоком. Все его сыновья поочередно входили в избу.

— Что у тебя за рослый народ! — заметил я старику.

— Да, — промолвил он, откусывая крошечный кусок сахара, — на меня да на мою старуху жаловаться, кажись, им нечего.

— И все с тобой живут?

— Все. Сами хотят, так и живут.

— И все женаты?

— Вон один, пострел, не женится, — отвечал он, указывая на Федю, который по-прежнему прислонился к двери. — Васька, тот еще молод, тому погодить можно.

— А что мне жениться? — возразил Федя, — мне и так хорошо. На что мне жена? Лаяться с ней, что ли?

— Ну, уж ты... уж я тебя знаю! Кольца серебряные носишь... Тебе бы все с дворовыми девками нюхаться... «Полноте, бесстыдники!» — продолжал старик, передразнивая горничных, — уж я тебя знаю, белоручка ты этакой!

— А в бабе-то что хорошего?

— Баба — работница, — важно заметил Хорь. — Баба мужику слуга.

— Да на что мне работница?

— То-то, чужими руками жар загребать любишь. Знаем вашего брата.

— Ну, жени меня, коли так. А? что! Что ж ты молчишь?

— Ну, полно, полно, балагур. Вишь, барина мы с тобой беспокоим. Женю небось... А ты, батюшка, не гневись: дитятко, видишь, малое, разуму не успело набраться.

Федя покачал головой...

— Дома Хорь? — раздался за дверью знакомый голос, — и Калиныч вошел в избу с пучком полевой земляники в руках, которую нарвал он для своего друга, Хоря. Старик радушно его приветствовал. Я с изумлением поглядел на Калиныча: признаюсь, я не ожидал таких «нежностей» от мужика.